

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ТЯГЛОГО НАСЕЛЕНИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

Правовое положение тяглых людей в России второй половины XVI в. характеризовалось усиливавшимся закрепощением сельских и городских жителей. Исследование показало, что закрепощение развивалось по двум направлениям и двумя основными способами. Черносошные и дворцовые крестьяне и посадские люди были прикреплены к местам проживания не позднее 30 июня 1585 г. и разыскивались непосредственно писцовыми комиссиями. Частновладельческие крестьяне возвращались прежним владельцам по суду, что предполагал введенный в 1581 г. режим «заповедных лет».

Ключевые слова: *судебник, отказ, поряд, крестьянин, посадский человек, тяглые люди.*

V. Arakcheyev

ON THE LEGAL STATUS OF TAXED POPULATION IN THE RUSSIAN STATE IN THE MID-16th CENTURY

The legal status of taxed people in Russia of the second half of the 16th century was characterised by increasing enslavement of rural and city residents. The research has shown that this enslavement was developing in the two ways. State and tsar peasants and suburb people were registered at places of residence till June 30 1585, and were searched for directly by scribal commissions. Privately-owned serfs were evicted to their former owners, as provided by the procedure of “the forbidden years” introduced in 1581.

Key words: *sudebnik (code of laws), rejection, order, peasant, suburb people, tyaglo people (feudal tenants owing obligation in labor and in kind).*

Проблема социального положения и правового статуса крестьян и посадских людей в середине XVI в. стояла перед исследователями русской истории еще в 1880-х гг. [14]. До настоящего времени положение тяглых сословий трактуется в науке либо как не имею-

щее ничего общего с крепостным состоянием, либо как находящееся «накануне закрепощения» [15, с. 202–204; 25]. Целью данной статьи является анализ актовых источников, содержащих материалы, репрезентативные для решения обозначенной проблемы.

В научный оборот давно введены уставные грамоты Моревской слободе 1530 г. и Важской земле 1552 г., в которых содержатся постановления, вызывавшие недоумение у крупнейших исследователей русского средневековья. Уставная грамота солеварам Моревской волости была выдана в 1530 г. и дошла до нас в дефектном виде. По сохранившимся фрагментам можно понять, что Моревская слобода получала податную, судебную и административную автономию. В руках слободчиков сосредоточивались все судебные дела, помимо «душегубства и разбоя с поличным», право взимания конского пятна, приема должников с условием пятилетней рассрочки в долгах и их беспроцентной выплаты, запрета постоя ратных людей и ездоков.

Преамбула документа не сохранилась, и грамота открывается неполным предложением, содержащим норму о вывозе тяглеца из слободы: «...тяглой через сю мою грамоту, а слободчики его примут к Соле жити, и мне того велети опять назад отвезти, к той Соли, от которой к ним придет, а на слободчикех мне велети взяти заповеди десять рублей московскую» [18, с. 13]. Из данного фрагмента можно понять, что солеварам Моревской слободы запрещалось принимать тяглых людей из других солеваренных слободок под угрозой штрафа в 10 рублей и с перспективой вывоза этого тяглеца обратно.

В уставной грамоте Важской земле, выданной 21 марта 1552 г., содержится аналогичная правовая норма. «А на пустые им места дворовые, в Шенкурье и в Вельску на посаде и в станех и в волостех, в пустые деревни и на пустоши и на старые селища, хрестьян называть и старых им своих тяглецов хрестьян из-за монастырей выводить назад бессрочно и безпошлинно, и сажати их по старым деревням, где кто в которой деревне жил прежде того» [18, с. 111].

В отечественной историографии только М. А. Дьяконов логично встроил эти документы в свою концепцию, усмотрев в

них доказательство запрета на прием тяглых людей вообще. На основании указанных примеров, а также случаев сыска тяглецов в 1560–1580-х гг. он сделал заключение, что «тяглые люди со второй половины XVI в. рассматриваются крепкими тяглу и правом перехода не пользуются» [13, с. 2–9]. Б. Д. Греков также писал о «прикреплении крестьян» Моревской слободы, хотя этот вывод противоречил его концепции свободы перехода тяглых крестьян по Судебникам [11, с. 284]. Лишь С. Б. Веселовский рассматривал этот акт не как свидетельство «прикрепления», а как привилегию, имеющую «в виду облегчить слобожанам привлечение к себе новых членов» [9, с. 16].

В особенностях слободского права и следует искать объяснение уникальной нормы Моревской грамоты. Правовое положение населения слобод XV–XVI вв. заслуживает отдельного исследования. Слободы (иногда без употребления термина) упоминаются во многих грамотах из архива Троице-Сергиева монастыря, Кириллова Белозерского монастыря, других духовных корпораций и органов государственной власти [6]. В отечественной историографии имеются лишь три исследования истории слобод удельного времени, предпринятые С. Б. Веселовским и П. П. Смирновым [8, с. 7–33; 9, с. 73–84; 23, с. 48–50]. Право, предоставлявшееся слободчанам, выводить своих тяглецов из других слободок и монастырей, предоставлялось не просто общине в целом. Всякое пожалование в эпоху феодализма носило не анонимный, а вполне адресный характер, о чем писал, анализируя грамоты монастырям и служилым людям, С. Б. Веселовский: «Все грамоты, начиная с древнейших, имеют определенно выраженный личный характер» [8, с. 26].

Личный характер фактически имели и пожалования слободчикам, посадским и черносозным мирам. Во всех жалованных грамотах слободам перечисляются ответственные налогоплательщики, которые

наделяются правом принимать или не принимать тяглецов. В грамоте солеварам Морева перечислены семь слободчиков, на имя которых была дана грамота, в том числе священник слободской церкви [18, с. 15]. Посадский, чернососный или слободской мир, таким образом, не был однородным образованием, и проблема ухода льготчиков и новоприходцев затрагивала в первую очередь интересы ответственных налогоплательщиков. Можно ли рассматривать право вывода тяглецов, жалуемое князем слободе как свидетельство прикрепления крестьян и жителей промысловых слобод? В сущности, первым общегосударственным законом, где было поставлено под сомнение право перехода тяглых людей, стал Судебник 1550 г., в ст. 91 которого говорится: «А торговым людям городцким в монастырей городцких дворах не жити, а которые торговые люди учнут жити на монастырех, и тех с монастырей сводити да и наместником их судити». Чтобы понять, прикреплял ли Судебник посадских людей к тяглу, необходимо сравнить норму права из ст. 91 с положениями гл. 98 Стоглава.

«А ныне твой царский приговор с нами, что в те в новые слободы вышли посадские люди после описи, и тех бы людей из новых слобод опять вывести в город на посад. ... А впредь бы митрополитом и архиепископом, и епископом, и монастырем держати свои старые слободы по старине о суде и о всяких делах по прежним грамотам, а новых бы слобод не ставити, и дворов многих в старых слободах не прибавливати, разве от отца детям или от тестя зятю, или от братии выставливатися и своими дворами жити. А опричным прихожим людям градским и сельским в тех старых слободах новых дворов не ставить. А в которых в старых слободах двора опустеют, и в те двора называти сельских людей пашенных и непашенных по старине, как прежде сего было. А отказывати тех людей о сроце о Георгиеве дни осеннем по государеву указу по старине же. А с посаду людей

вперед городских в слободу не называти и не приимати, разве казаков нетяглых людей. А из слобод из митрополичих и из архиепископских, и епископских, и из монастырских, которые христиане похотят идти в город на посады или в села жити, и тем людям вольно идти о сроце о Юрьеве дни с отказом по нашему по царскому указу» [20, с. 373–374].

Из ст. 98 Стоглава видно, что норма о сведении тяглецов с монастырских слобод действовала в одном направлении. И.И. Смирнов определил, что посадские люди, вышедшие в новые слободы «после описи», должны быть выведены обратно «в город на посад». Но, с другой стороны, за населением церковных и монастырских слобод сохранялось право как выхода «в город на посады», так и «в села», с соблюдением правил Судебника о «христианском» отказе [23, с. 328–330].

Синхронно с утверждением Судебника и Стоглава в 1550–1553 гг. в Русском государстве было осуществлено валовое описание земель. Е.И. Колычева выяснила, что перепись проходила в Рязани, Туле, Серпухове, Кашире, на Двине и Ваге, в Галиче, Москве, Звенигороде и Рузе [15, с. 21–22]. Перепись охватила, очевидно, и весь Северо-Запад России. В 1551–1553 гг. были составлены приправочные книги по новгородским пятинам; в начале 1550-х гг. проходило описание Пусторжевского уезда [1, с. 6]. В научный оборот давно введена сотная по Серпуховскому посаду 1552 г., в которой содержится предписание о свозе с церковных дворов торговых и мастеровых людей: «а городцким людям торговым и мастеровым в тех дворах на церковных местах не жити, а которые городцкие люди торговые и мастеровые учнут в тех дворах жити, и серпуховскому сотцкому и всем городцким людям тех людей ис тех дворов вывозити да сажати в свои старые двора и тяглые» [21, с. 329]. Б. А. Романов сделал аргументированный вывод о том, что выписка из наказа писцам Серпухова содержит в себе *расширительно истолкованное*

постановление ст. 91 Судебника [25, с. 330]. Романов имел в виду упоминание подлежавших вывозу мастеровых людей, о которых не было речи в тексте Судебника. Данное замечание Романова имеет принципиальное значение для понимания не только процесса закрепощения в России, но и эволюции российского законодательства XVI в. в целом.

Расширительное толкование нормы права Судебника было применено также в Важской уставной грамоте 1552 г. В этом документе не содержится предписаний, запрещающих переходы крестьян и посадских людей в другие волости или уезды. Более того, в грамоте нет и нормы, запрещающей переход тяглецов на монастырские земли. Норма права в Важской грамоте, так же как и в ст. 91 Судебника, носит разрешительный характер, позволяя тяглым мирам выводить своих крестьян и посадских людей с монастырских земель. Кроме того, постановление этой грамоты было нормой однонаправленного действия, и объектом правоприменения были исключительно монастыри. Все это позволяет сделать вывод об отражении в Важской грамоте ст. 91 Судебника, которая была истолкована расширительно, и положения которой были впервые в известных нам источниках XVI в. распространены на черносошных крестьян.

Следует иметь в виду еще одно обстоятельство. Важская уставная грамота была выдана по челобитью тяглою общины. Из пересказа челобитной в тексте грамоты ясно, что посадские и волостные люди жаловались на злоупотребления наместников, следствием чего стало «запустение» многих тяглых мест. «...И от того де у них в станах и волостях многие деревни запустели и крестьяне де у них от того насильства и продаж и татей с посадков розошлись по иным городам, а из станов и из волостей хрестьяне розошлись в монастыри безсрочно и без отказу, а иные де посадские люди и становые и волостные кой куда безвестно розбрелись на-

рознь...» [18, с. 103]. Приведенный фрагмент свидетельствует, что важане были обеспокоены только уходом тяглецов без отказа, выход же «людей» в соответствии с нормами Судебника и с отказом, очевидно, не возбранялся.

Таким образом, в постановлении Важской грамоты необходимо видеть предписание сыскивать и возвращать только тех крестьян, которые должны были «отказываться» с тяглых мест по нормам ст. 88 Судебника, но ушли без отказа. Очевидно, что право вывода тяглых людей с монастырских земель, полученное важанами, было тесно связано с двумя мероприятиями начала 50-х гг. XVI в.: описанием 1550–1553 гг. и земской реформой. В классическом исследовании Н. Е. Носова выявлены два типа местных сословно-представительных учреждений, созданных в России в 1552–1556 гг.: земские структуры черносошного Севера и всесословные дворянско-земские институты на землях служилого землевладения [19, с. 327–366]. Из книги Н. Е. Носова, а также из работ автора данной статьи следует, что земская реформа делилась на два этапа; в ходе первого этапа в 1551–1554 гг. реформа осуществлялась в отдельных волостях и посадах в порядке исключительного пожалования по просьбам населения [3, с. 39–50]. Для того чтобы новые органы земского самоуправления могли удержать тяглецов на местах, им и предоставлялось тоже в порядке исключения право выводить своих тяглецов, как это было на Ваге.

На втором этапе реформы в 1554–1556 г. создавались всесословные дворянско-земские институты на землях служилого землевладения. В наиболее чистом виде этот тип учреждений был создан в сельской местности Северо-Запада России. До нас дошел комплекс указных грамот за март 1555 – март 1556 г., адресованных новгородским наместникам [12, с. 72–157]. В грамоте от 20 января 1555 г. содержится ссылка на несколько более ранний царский указ: «...велено во все пятины, и на Луки, и

во Ржеву, и в Пуповичи розослати грамоты, чтобы князи и дети боярские, и все служилые люди, и игумены, и попы, и дьяконы, и старосты, и сотские, и пятидесятские, и все крестьяне выбрали из пятин по сыну по боярскому по доброму, да из пятин же выбрали человеки по 3 и по 4 лучших людей, да ис погоста по человеку, а из малых погостов из дву или из трех по человеку. Да велено тем старостам и выборным сбирати наши ямские и приметные деньги, и за посошные люди, и за ямчужное дело, и всякие подати по писцовым книгам, и привозити к вам в Новгород» [12, с. 145].

Для нашей темы этот фрагмент имеет принципиальное значение. Необходимо обратить внимание на три момента. Во-первых, органы местного финансового управления на Северо-Западе являются всеобщими: в их состав входят дети боярские и представители волостных миров. Второй системообразующий элемент новых учреждений — это их фискальные обязанности. Государственные налоги по писцовым книгам собирают старосты и выборные люди. Третью существенную черту системы составляет фискальное единство податных округов. А. С. Лаппо-Данилевский и С. Б. Веселовский считали органичной чертой системы налогообложения в Русском государстве XVI в. «кость» — податной округ, выборные власти которого производили разверстку повинностей по писцовым книгам между более мелкими тяглыми ячейками [7, с. 343–353].

Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с «костью», в состав которой входят как земли помещиков, так и черносошные волости. Рассмотрим структуру такой «кости» на примере фискально-административных единиц Пусторжевского уезда. В 1555 г. «черные деревни» были отмечены в шести станах Ржевы Пустой. Важно отметить, что «черные волости» входили именно в состав станов, на территории которых располагались поместья служилых

людей [2, с. 47–57]. Общеизвестно, что поместные земли, в отличие от вотчинных, не отмежевывались от других владений. Поэтому в том же Пусторжевском уезде были возможны ситуации, когда черные земли захватывали соседние землевладельцы, в том числе земцы. «...Починок Тимофеев, а выставок из черные деревни Смятона за земцом за Ферзиком з братьею за Дементьевыми детьми Игумнова, а называют, де, они тот Тимофеев починок выставкою своей деревни Зришнина, а тот, де, починок и старе земля межтоцкая, а Межток, де, и с тем починком полторы обжи...» [12, с. 121].

Захваты черных земель служилыми людьми осуществлялись во время описаний. «И те, де, деревни и селища и починки писцы наши Иван Колычев с товарищи дали на льготу, а в книгах, де, они написали: как те деревни и селища и починки изо льготы выйдут, и с тех деревень и селищ и с починков всякое наше тягло тянуть хрестьяном с черными деревнями. И после, де, тех писцов ездили наши другие писцы Истома Корчов с товарищи и те, де, льготные деревни и селища и починки отдали в придачу детям боярским ..., а от черных, де, деревень тех льготных деревень, селищ и починков сошным письмом не росписали» [12, с. 123]. Итак, стан, в состав которого входили земли служилых землевладельцев и черносошных крестьян, представлял собой единую «кость» — податной округ, крестьяне которого осуществляли разверстку повинностей, исходя из обежного оклада деревни и стана в целом.

В пределах таких податных округов, да и всей территории Северо-Запада, не могло быть и речи о каких-либо запретах крестьянских переходов. В указной грамоте в Новгород содержится неоднократно цитированный исчерпывающий рассказ о порядке отказа на Северо-Западе России. «А как, де, изо ржевских и из наших ис черных деревень приедут к ним отказщики с отказом в срок хрестьян из-за них отказы-

вати в наши в черные во ржевские деревни, которые крестьяне похотят итти жити в те наши в черные деревни, и те, де, дети боярские отказщиков бьют, и в железа куют, и пожилое, де, на них емлют не по Судебнику, рублей по пяти и по десяти, и отказать, де, хрестьянина из-за тех детей боярских не мочно» [12, с. 120].

Этот фрагмент часто приводили как свидетельство недейственности норм Судебника 1550 г. о крестьянском отказе [13, с. 10; 22, с. 41]. В. И. Корецкий даже писал о том, что «крестьянские вывозы на практике в ряде случаев превращались в замаскированную сделку купли-продажи крестьян» [16, с. 46]. Такой вывод противоречит сути документа. Даже если черная волость платила пожилое за крестьянина, желавшего уйти от помещика, этот акт нельзя трактовать как «продажу» тягльца. Государство строго придерживалось законной процедуры и в резолютивной части грамоты дьяки предписали: «...из-за тех детей боярских и из за земцов в наши черные во Ржевские деревни крестьян по сроку отказывати. А выход бы есте велели им тем крестьяном платити по нашему указу» [12, с. 120]. Следовательно, на территории Северо-Запада России в 50-х гг. XVI в. не существовало ограничений на переход крестьян.

Право своза тяглых крестьян из-за монастырей, которое было дано земским властям Важского уезда в 1552 г., следует расценивать именно как экстраординарное пожалование. Связано оно было, скорее всего, с двумя моментами. Во-первых, с чрезвычайным торгово-промышленным значением этого густонаселенного в середине XVI в. края, который представлял интерес и для казны, и для монастырей. Во-вторых, с гомогенным характером земских учреждений, созданных на Ваге по уставной грамоте. Отсутствие служилого землевладения на Ваге имело своим следствием то, что черносошные земли не были отделены в фискальном отношении от монастырских земель, со-

ставляя с ними единый податной округ. Земские власти Важского уезда постарались закрепить в грамоте норму Судебника о свозе тягльцов, и даже добились расширительного толкования ст. 91, распространив ее действие на черных крестьян, составлявших единую «кость» с посадскими людьми.

Для того чтобы в полной мере оценить сущность этих мероприятий начала 1550-х гг., осуществлявшихся на Ваге, в Серпухове и, возможно, в других посадах и уездах, следует обратиться к рассмотрению правительственных мероприятий по отношению к тяглому населению во второй половине 1550-х г. Получали ли другие тяглые общины русского Севера, чья структура была подобна структуре Важской земли, аналогичные привилегии?

Еще Б. Д. Греков обратил внимание на изменения в формулировках тех фрагментов уставных грамот 1556—1561 гг., которые соответствовали ст. 88 Судебника 1550 г. В отличие от ее текста, включавшего формулу «а крестьяном отказыватися из волости в волость, из села в село», в тексты уставных грамот подклетным селам Переяславского уезда 1556 г. и Замосковной Вохонской волости 1561 г. были внесены не прокомментированные историками повновения. В хрестоматийную фразу, открывавшую текст соответствующей статьи, включались сведения о переходах в волость из города: «А крестьяном отказыватися из города в волость и из волости в город один срок в году...» [18, с. 132—139]. Б. Д. Греков дал объяснение причинам появления этих смысловых изменений; по его мнению, грамоты «должны были лечь в основу правовой жизни каждой из двух волостей в отдельности». Поскольку «переход данных крестьян из волости в волость тут не предусмотрен» и о переходе из села в село тоже говорить было не нужно, «поскольку села входили в состав волости», в грамотах и возникла такая формула.

Очевидно, однако, что это объяснение искусственно. Сельские жители, согласно

постановлениям Судебника, имели полное право переходить из волости в волость; под «селами» ж в данном случае подразумевались не просто вид поселения, а села частновладельческие в отличие от черносошных волостей [4, с. 96–97]. Полагаем также, что под словом «крестьянин» в уставных грамотах 1556 и 1561 гг. следует понимать «христианина», поскольку к середине XVI в. эти сословия едва оформились [5, с. 107–114]. Ясно, что законодатель внес изменения в формулировку ст. 88 исходя из новых условий переходов крестьян и посадских людей, сложившихся во второй половине XVI в.

По нашему мнению, суть этих изменений была обусловлена завершением земской реформы и переходом к поземельной системе описаний. Е. И. Колычева доказала, что «генеральная перепись с применением большой нормированной сохи и с измерением пашни у всех социальных групп землевладельцев не могла начаться ранее середины 50-х годов». Это мероприятие Колычева вполне справедливо считает реформой, поскольку ее главным результатом был переход от описания земель в вотчинных и черносошных владениях к ее учету во всех типах социальных владений [15, с. 22–23]. В писцовых книгах но-

вого типа — «книгах письма и меры» — осуществляется учет пашни любой социальной принадлежности в четвертях. Таким образом, любая волостная или посадская община знала точный размер государственных налогов, который ей доводилось выплачивать, благодаря тому, что измеренные в четвертях запустевшие части волостных земель выбывали из тягла. Такое уточнение принципов учета тяглых земель делало избыточным специальные пожалования земским мирам вывозить своих тяглецов из окрестных земель. С этими обстоятельствами и связано наличие таких норм права в Важской грамоте и писцовых книгах Серпухова 1552 г. и их отсутствие в земских уставных грамотах 1556 и 1561 гг.

Таким образом, тяглые общины посадков в первой половине XVI в. (до 1555/56 г.) имели право свозить своих тяглецов из-за монастырей и с церковных земель. Но эту норму невозможно трактовать как маркирующую начало процесса закрепощения посадских людей в то числе и потому, что переходы горожан из одной тяглой общины в другую не преследовались. Изменения в положении крестьян и посадских людей в сторону реального закрепощения произошли только в 1580-х годах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Новгородские пятины. — Л., 1974.
2. Аракчеев В. А. Великолукский и Пусторжевский уезды во второй половине XVI в.: землевладение и землевладельцы // STUDIA HUMANISTICA: Исследования по истории и филологии. — СПб., 1996. — С. 47–57.
3. Аракчеев В. А. Кормления и земские миры: к вопросу о географии и хронологии реформы 1551–1556 гг. // Отечественная история. — 2007. — № 6. — С. 39–50.
4. Аракчеев В. А. Крестьянский отказ и поряд: исследование социальных отношений в русской деревне XV–XVI вв. // Очерки феодальной России. — М., 2004. — Вып. 8.
5. Аракчеев В. А. Крестьяне в социальной структуре средневековой Руси (XIV– первая половина XVI в.) // Cahiers du Monde russe, 46|1–2. — Paris, 2005. — P. 107–114.
6. АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси XIV — начала XVI в. — М., 1952. — Т. 1; М., 1958. — Т. 2; М., 1964. — Т. 3.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

7. *Веселовский А. С.* Сошное письмо. — М., 1915. — Т. 1. — С. 343–353.
8. *Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. — М., 1926.
9. *Веселовский С. Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. — М., 1978.
10. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. — Ростов-на-Дону, 1995.
11. *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. — М., 1946.
12. ДАИ — Дополнения к Актам историческим. — СПб., 1846. — Т. 1.
13. *Дьяконов М. А.* Очерки по истории тяглого населения в Московском государстве XVI—XVII в. — СПб., 1898.
14. *Ключевский В. О.* Происхождение крепостного права в России // Сочинения. — М., 1990. — Т. 8.
15. *Кольчева Е. И.* Аграрный строй России XVI в. — М., 1987.
16. *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. — М., 1970.
17. *Лапто-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Русском государстве XVII в. — СПб., 1890.
18. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. — М., 1909.
19. *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. — Л., 1969.
20. Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. — М., 1985. — Т. 2.
21. *Симпсон П. Ф.* История г. Серпухова. — М., 1880.
22. *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. — М.; Л., 1951.
23. *Смирнов И. И.* Судебник 1550 года // Исторические записки. — М., 1947. — Т. 24. — С. 328–330.
24. *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. — М., 1947. — Т. 1.
25. Судебники XV—XVI вв. — М.; Л., 1952.
26. *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство накануне закрепощения. — Л., 1987.